«МЫ ПРЕД НАШЕЙ РОССИЕЙ ЧИСТЫ...»

ЧТО ПРОИСХОДИТ С ТЕАТРОМ НИКОЛАЯ ГУБЕНКО

Окончание. Начало — на стр. 1

Жанна БОЛОТОВА. Это были необыкновенные спектакли! Мы поимённо называли наших гостей, они вставали, мы говорим: "Анатолий Иванович Савин — создатель пушки!" И к нему вдруг бежит из зала человек, говорит: "Я всю войну прошёл с Вашей пушкой!" Представляете, как бились сердца у людей в зале в такие моменты?

Когда в начале спектакля звучало: "Вставай, страна огромная…", через весь зал сверху плыло Красное знамя. Вы можете себе представить состояние людей? Это был 1995-й год, то есть время, когда всё советское оплёвывалось, и — красное знамя плывёт над залом. Актёры его берут и устанавливают на сцене. Огромный портрет Сталина стоит (на Мосфильме нам его отдали потом, он им уже не нужен), звучит сталинская речь: "Братья и сёстры!".

На сцене стояли большие колонны, на которых были надписи, какие были на колоннах Рейхстага, ступени, похожие на те ступени — на них сидели люди и пели военные песни.

Коля пел и читал стихи. Он читал стихи, как, думаю, никто. В последние годы ему звонил Евгений Евтушенко из Америки и сказал: "Я хочу в Лужниках сделать вечер поэзии, и лучше тебя никто не читает Гудзенко "Нас не нужно жалеть…"

Нас не нужно жалеть, ведь и мы никого б не жалели.
Мы пред нашим комбатом, как пред господом богом, чисты.
На живых порыжели от крови и глины шинели,
на могилах у мёртвых расцвели голубые цветы.
Расцвели и опали… Проходит четвёртая осень.
Наши матери плачут, и ровесницы молча грустят.
Мы не знали любви, не изведали счастья ремёсел,
нам досталась на долю нелёгкая участь солдат.

Нас не нужно жалеть, ведь и мы никого б не жалели.
Кто в атаку ходил, кто делился последним куском,
Тот поймет эту правду, — она к нам в окопы и щели
приходила поспорить ворчливым, охрипшим баском.
Пусть живые запомнят, и пусть поколения знают
эту взятую с боем суровую правду солдат.
И твои костыли, и смертельная рана сквозная,
и могилы над Волгой, где тысячи юных лежат, —
это наша судьба, это с ней мы ругались и пели,
подымались в атаку и рвали над Бугом мосты.
…Нас не нужно жалеть, ведь и мы никого б не жалели,
Мы пред нашей Россией и в трудное время чисты.

Он так читал! Я приходила на каждый спектакль, потому что смотрела и запоминала, какие замечания нужно сделать, что-то подсказать. Я не такой уж эмоционально податливый человек, но без слёз это смотреть и слушать было невозможно. И весь зал был охвачен такими же чувствами.

А что ещё придумали? Один ряд кресел снимали, клали сосновые доски и накрывали походные столы, на них — рюмочка, огурчик, хлеб чёрный…

Когда спектакль закончился, эти разведчики, ветераны встали и сказали: "Мы два часа побывали на Родине". Вот какое чувство рождал этот спектакль.

После спектакля Коля сказал: "Слушая ваши аплодисменты, невольно вспоминаешь слова Сталина, во время войны сказанные одному из американских дипломатов: "У Гитлера воюет армия, у нас воюет весь народ".

Те же самые чувства и эмоции вызывал спектакль "Афган". А как он появился? В годовщину вывода наших войск из Афганистана воины-афганцы попросили сыграть "День Победы". После спектакля к нам подошёл чудесный подполковник, Раздобутько, и сказал: "Николай, а почему Вы не сделаете спектакль об Афганской войне?" Это же было страшное, тяжёлое, но героическое событие. Коля говорит: "Но я же не знаю этой темы". Тот: "Всё-таки несправедливо, что о войне большой сделан спектакль, а тут столько было мужества, столько героизма, такая тяжёлая была эпопея". Коля говорит: "Хорошо!"

Афганцы дали ему книгу, где были собраны письма погибших солдат, чудеснейшие песни, которые писали сами офицеры и солдаты. Коля обратился в Министерство обороны, чтобы ему предоставили хронику, которую снимали военные операторы — получил огромный документальный блок, смонтировал его. Это был финал спектакля — хроника, которая показывает ужасные условия той войны. Жара, пустое пространство, где-то "зелёнка", а ты сиди на горе и просто отстреливайся… Или на высокой горе — позиция, там три наших разведчика месяц или больше находятся, им вертолёт спускает продукты, всё необходимое, и они следят за ущельем. Представляете? Это молодые ребята в условиях, когда каждый камень стреляет, опасность отовсюду.

Ещё Коля задумал под песню Розенбаума "Чёрный тюльпан" показывать слайды — фотографии этих мальчиков, что воевали в Афганистане… И под эту песню фотографии сменяются одна за другой. Вдруг видим — весь зал осветился. Оказывается, у афганцев есть обычай: они зажигают спичку и так стоят. И весь зал освещён был.

Спектакль состоял из четырёх новелл: там были русский мальчик, русская девочка-медсестра, грузин и таджик — зачитывали письма, которые они писали своим матерям. А письма взяли из книги, изданной афганцами. На премьеру пришли Руцкой, Громов, Аушев, другие афганцы, известные и, к сожалению, не известные, хотя все они достойны самой высокой славы, были бойцы, которые брали дворец Амина. Перед спектаклем вышел человек и сказал, что "сегодня ни в одном театре Москвы, ни на одном квадратном метре столицы нет столько героев".

На этом спектакле отдали самый удобный ряд — пятый, отдали вдовам и матерям погибших ребят. Наши артисты, конечно, страшно волновались. Потому что такой зал перед ними: участники войны, полководцы, режиссёры пришли — Говорухин, Шахназаров. И когда читали письмо грузина, которому была посвящена одна из новелл, вдруг из этого пятого ряда выходит седая женщина в чёрном платье и говорит: "Это письмо моего сына". Я думала, у актёров будет инфаркт, потому что они и так волновались, а тут — представляете? И что делать? Но к ней быстро подошли наши помощники, провели на её место, и спектакль продолжился.

Слава Говорухин сказал потом: "Здорово, Коля, ты придумал с этой матерью". Но это было не придумано. Эти женщины — матери, вдовы — ходили на каждый спектакль, пятый ряд для них всегда был свободен. И ходили дети афганцев.

Финал спектакля был просто фантастический: идёт кинохроника, видно, какие там неимоверно тяжёлые условия, испытания для солдат, Коля читает стихи Симонова. И кончалось всё прощальной песней с Афганистаном:

Мы уходим с Востока, уходим, уходим…
Прощайте, горы, вам видней,
Какую цену заплатили,
Врага какого не добили,
Каких оставили друзей.

А друзей они оставили почти на убой, потому что все знали — тех, кто дружил с "шурави", перерезали.

Такие вот были у нас постановки.

Наш театр создался как дом, как семья, постановки стали успешными, аудитория сформировалась особая: на каждой премьере были обязательно профессора из университетов, поскольку у нас были друзья-преподаватели, технари из Бауманского — наши постоянные зрители. Они рассказывали о спектаклях своим коллегам, те стали приходить. И так сложилось, что среди зрителей Таганки традиционно — врачи.

Но об этих спектаклях в прессе — ни слова. Один раз Светлана Кравцова на ТВЦ сделала репортаж о "Дне Победы". Её уволили вскоре после этого.

Константин СЁМИН. То есть против театра — заговор молчания?

Жанна БОЛОТОВА. Полное молчание! Мне подруги говорили: "Что у вас за театр, о котором никто не знает?" Лужков совершенно не переносил нас, у него было полное неприятие. К нему обращались люди, работающие в этой сфере, говорили: "Давайте финансировать театр. Почему единственный театр не финансируется?" Он отвечал: "Пусть его партия финансирует!" И 16 лет театр не финансировали. Но и это как-то пережили: крутились, с трудом, но получалось. И всегда у нас на спектаклях — полный зал.

Серёжа Соловьёв поставил у нас "Чайку", Володя Поглазов сделал спектакль "Враги" по Горькому — очень хорошие, крепкие спектакли.

Коля обожал Салтыкова-Щедрина, мечтал его поставить и сделал композицию — потрясающий спектакль. В таких трудах складывалась чудесная атмосфера дома, семьи: люди приходили в театр, как домой.

Вдруг сейчас предъявляются претензии: были нарушения. Например. Как работает актёр? Приходит на репетицию, потом у него два часа до вечерней репетиции, потом — спектакль. В советские времена актёрам Таганки дали квартиры в домах недалеко от театра. Актёры могли сбегать домой, пообедать и вернуться на репетицию перед вечерним спектаклем. А сейчас у нас три главных актёра, один из которых жил в Мытищах, другой — в Одинцово, третий тоже вдали. Они не могли пойти домой пообедать. То есть надо организовать питание. А в театре нельзя, оказывается, варить суп. Но Коля взял трёх человек на работу, которые готовили обеды. А так как их нельзя было оформить как сотрудниц кухни, их оформили как уборщиц. Пришло вновь назначенное начальство: "Что вы здесь делаете? Вы — уборщицы, мойте пол!"

Константин СЁМИН. К тому, что Вы рассказали, как складывалась эта театральная семья в бушующем море совершенно других театральных страстей, очень подходит цитата из рецензии "Литературной газеты". Она датируется, вероятно, 2016-м годом: "Либеральный творческий бомонд вызывающе индифферентен не просто к Николаю Николаевичу Губенко, а собирательному образу, перекочевавшему из советского кино в постсоветскую реальность, где царит культ успеха и триумфально шествует эксплуатация!"

Я потому и сказал, что вы были чем-то вроде баррикады, собранной 22-го апреля в 1993-м, очень символичном для нашей истории году. И как они ни молчали о вас, я думаю, ещё сильнее они ненавидели вас. Ждали, когда можно будет подступиться. У меня лично было именно такое чувство, когда прощались с Николаем Николаевичем. Все мы, кто сидел тогда в зале, задавались вопросом: как скоро они подступятся, как скоро начнут захват? Есть две Таганки, о существовании которых, может быть, не все знают, потому что многие люди лишены возможности ходить в театр. Тем не менее, все эти долгие мучительные годы Таганок было две. И одна продолжала быть флагманом либерального движения, наступления на всё, что осталось от советского, русского театра, а другая сопротивлялась, защищалась, оборонялась, держала красный флаг в центре Москвы.

Жанна БОЛОТОВА. Это — Брестская крепость.

Константин СЁМИН. И этот флаг спускают сейчас? Что происходит?

Жанна БОЛОТОВА. Я не могу понять. Тут какие-то двойные стандарты. Несколько театров в недалёком прошлом потеряли своих художественных руководителей: театр Фоменко, театр Захарова, театр Табакова, театр Виктюка, театр Волчек. К этим театрам отнеслись очень уважительно, по-человечески, бережно, учитывая их направление. Скажем, в МХТ имени Чехова назначили очень хорошего режиссёра, замечательного Женовача. В Ленкоме во главе театра — потрясающий директор, который всю жизнь работал с Захаровым. Он сказал: "Нам не нужен главный режиссёр, мы будем приглашать режиссёров ставить спектакли". В театр Виктюка тоже назначили хорошего человека: я читала его интервью, он говорит, что пообщался с каждым актёром, это по-прежнему будет театр Виктюка, спектакли Виктюка сохранят. Во всех окнах театра — портреты Виктюка. Театр Фоменко возглавил человек, который работал с ним. То есть всё происходит так, как должно происходить в таких трагических ситуациях. Только в наш театр каким-то чудом вдруг назначили человека, который совершенно не в нашем художественном поле.

Константин СЁМИН. Назначили Ирину Апексимову, руководителя другой Таганки, соседей ваших. Одну Таганку, по сути дела, отдали другой Таганке…

Жанна БОЛОТОВА. Странно для всех выглядело это назначение. Представьте себе: когда Любимов уехал из страны, Таганку отдали Эфросу, а сейчас её отдали Апексимовой. Это всё-таки не равновеликие фигуры. От Эфроса к Апексимовой. А теперь ей ещё хотят отдать и наш театр.

Коле предлагали объединить оба театра под его руководством. Он отказался, сказал, что это два совершенно разных театра, их объединять нельзя. И не только потому, что для людей нашего возраста, скажем, этот раскол был глубокой душевной травмой, и им трудно соединиться после всего. Лёня Филатов очень хорошо написал после этого раскола тем, кто выбрал ту сторону: …как вы будете смотреть в глаза своим родным за завтраком, когда вы предали своих товарищей, согласились, что их можно убрать, уволить из театра, а сами спокойно поехали с Любимовым за границу на гастроли?

Я смотрела интервью Апексимовой в передаче "Главная роль", где она очень весело рассказывала: Сейчас мы поставили "Отелло, венецианский мавр" Шекспира… Отелло у нас будет не мавр, а белый. И это будет молодой человек, он учился с моей дочерью, он годится мне в сыновья. Я играю Дездемону. А Яго будет женщина.

Они с ведущим весело похохатывали, потом она говорит: "Да! И этой фразы — "Молилась ли ты на ночь, Дездемона" — зрители тоже не услышат!"

У меня вопрос: а вы у Шекспира-то спросили? Если уж вас так интригует тема любви молодого человека к пожилой бабушке, то, может быть, вы возьмёте "Лес" Островского? Или сами напишите пьесу. Зачем же такое проделывать над Шекспиром! Но они не могут писать своё. Лучше будут портить Шекспира и как дети говорить: "А вот тут мы ему руку обрезали, а тут мы ему ногу отрезали! Ха-ха-ха!" Как это забавно, смешно… Эксперимент.

Константин СЁМИН. Я думаю, не единственный. Насколько мне удалось узнать, актёры слегка дезориентированы. Они удивлены тем, что губенковский репертуар, утверждённый при нём, пока не трогают, он сохраняется, хотя новое руководство и морщит нос, но при этом параллельно проводятся эксперименты по внедрению каких-то новых форм, новых постановок, одна из которых будет называться "28 дней или трагедия менструального цикла"…

Жанна БОЛОТОВА. Ребята мне позвонили: "На нашей сцене это будет!" Это людей оскорбляет, задевает также, что их собираются учить каким-то новым формам. Но они — не ученики! И у кого учиться? Учителя-то кто?! Собираются учить наших актёров, среди которых есть те, кто работал в театре и любимовском, и в нашем уже 28 лет работает. Их надо было спросить: "А вы хотите эти эксперименты?" У них репертуар — 23 спектакля! А у неё — 11.

Константин СЁМИН. Возможно, это способ поставить перед необходимостью сделать выбор, то есть таким образом заставить уйти из театра?

Жанна БОЛОТОВА. Может быть, и так. На прощании я была в таком состоянии, что не реагировала ни на что. Но когда увидела, что пришли Швыдкой и Апексимова… Те обходили весь театр и осматривали… Апексимова осматривала недвижимость, которая падает ей в руки. Это люди, которые никогда не бывали на Колиных спектаклях, он не интересовал как актёр. И они пришли прощаться?

Константин СЁМИН. Да, все они были на сцене. И был руководитель Департамента культуры Москвы Кибовский, который, я так понимаю, ответственное лицо со стороны власти за всё, что происходит.

Жанна БОЛОТОВА. Коля его очень любил. Тот всегда его, видимо, хорошо принимал, всегда говорил с ним очень душевно. Сейчас мне хочется сказать словами Лермонтова: "Как мог поверить он словам и ласкам ложным?!"

Жанна Андреевна Болотова и Николай Николаевич Губенко. Фото 2018 г.

Вот и я Коле говорила: "Неужели ты не понимаешь, что они всё сделают иначе — не так, как тебе обещают?". Когда было 25-летие театра, Кибовский сказал так хорошо о Коле, что я, слушая его, прослезилась…

Кибовский: "Говоря о таком театре, надо говорить, естественно, и о самом театре и, конечно, о его руководителе — Николае Николаевиче Губенко, человеке, который соединяет в себе много различных качеств, которые, в том числе, и это неизбежно, находят отражение в творческой повестке этого театра. Постоянное активное участие его в тех процессах, которые наше государство переживало ещё со времён, когда он был министром культуры СССР. И он был соучастником многих важных действий в сфере творчества, культуры, искусства. Естественно, они находили воплощение здесь, на сцене. И он, как человек, определяющий творческую повестку данного конкретного театра, конечно, отзывался на них, может быть, не в буквальном смысле, но, естественно, находя эти темы в тех произведениях, которые здесь ставились. Если так можно выразиться, это мужской театр. Это театр-боец. Это театр, имеющий такое мощное начало, лидерское начало. И коллектив, который сплотился вокруг этого человека, пережил очень многое. Это очень серьёзно…"

И вдруг — такое решение о назначении руководителя.

А Коля ещё за год до своей болезни сказал: "Я хочу оставить художественное руководство, потому что мне уже много лет, и я хочу, чтобы театр остался, если возможно, в прежнем виде. И чтобы руководил мой заместитель, актёр, режиссёр, поэт, Володя Завикторин". Тот поставил хороший спектакль "Есенин", сам там играет. Прекрасно играет в спектакле "Бешеные деньги" — творческий, умный, добрый человек, хороший поэт.

Коле пообещали, что так и будет. Но теперь я поняла, что тогда, на юбилее, это была поминальная речь Кибовского. Он просто хотел, чтоб Коля знал, как он к нему относится, как любит и уважает. Потому что потом уже не услышит…

Константин СЁМИН. Сравнивая актёрский бунт 90-х против разгула "ельцинщины", против танков демократии, расстреливающих людей с красными флагами, я думаю о том, что актёры тогда могли собрать баррикаду и взобраться на неё. Они были личностями…

Жанна БОЛОТОВА. Они тогда не боялись.

Константин СЁМИН. Не боялись. И они были организованны. Сегодняшние актёры низведены до совершенно другого состояния.

Жанна БОЛОТОВА. Да, рабского. Боятся все. Боятся всего. Всем работникам театра сказали: "Сдайте ключи. Отмечайтесь, кто во сколько пришёл, кто во сколько ушёл… Если приходит посторонний человек в театр, пишите докладную". Просто какой-то атомный объект или полицейская академия.

Константин СЁМИН. Ни о каком коллективном договоре, профсоюзной борьбе, забастовке в актёрском мире вообще речь не идёт…

Жанна БОЛОТОВА. Ну, что Вы! Кто может сейчас позволить себе потерять работу? Кстати сказать, когда пришёл Собянин, ситуация с театром изменилась. Во-первых, стали финансировать. Не так, конечно, как всех остальных.

Константин СЁМИН. Как приближённых.

Жанна БОЛОТОВА. Нет-нет! Коля получал как художественный руководитель 38000, за спектакль 14000. В сравнении с другими, "с приближёнными", которые за спектакль получали 600 тысяч, и в месяц 900 тысяч, конечно, разница огромная.

Но всё-таки ситуация изменилась. Даже квартиры дали актёрам. Потому что люди же снимали углы. А денег-то мало получали. А Коля добился, чтобы коллективу выделили 18 квартир…

Константин СЁМИН. Но и квартиры могут сегодня отобрать, потому что они же не в собственность давались?

Жанна БОЛОТОВА. Нет, не в собственность. Но самые последние усилия Колины были приложены к тому, чтобы актёры смогли выкупить их по себестоимости. И 2 или 3 человека выкупили.

Константин СЁМИН. А тем, кто не успел, могут указать на дверь?

Жанна БОЛОТОВА. Да. Потому что в том театре тоже большая очередь.

Константин СЁМИН. То есть, если не хочешь участвовать в спектакле о менструации, то собирай вещи.

Жанна БОЛОТОВА. Да. Думаю, будут, конечно, и это играть. Что сделаешь?

Константин СЁМИН. И как насмешка над всем, что мы сейчас обсуждаем, эта история с уходом Серебренникова из "Гоголь-центра", которой обеспокоены все вокруг. Главная новость театральной России: что случилось с Серебренниковым, что будет с "Гоголь-центром", который, кстати, если я не путаю, тоже был на чьих-то костях, тоже кого-то сместили ради Серебренникова, был скандал.

Театр, который по-настоящему сохраняет театральные традиции, никому не интересен. Его можно задушить тихо, в углу. И все будут обсуждать Серебренникова.

Жанна БОЛОТОВА. Конечно, общество-то расколото: как ни пытаются его соединить, оно не соединяется. И такими историями, как с нашим театром, его соединить, конечно, невозможно. Ведь человечность, милосердие никто не отменял. Что такое деньги? Русские люди не всегда были сильны и богаты. Не деньгами богаты.

Когда Уланову в одном интервью спросили: "Что Вы хотите на прощание сказать людям?" Она сказала: "Будьте русскими!" А сейчас неимоверные усилия прилагаются теми, кто наверху и решает — "Не будьте русскими! Будьте американцами! Учитесь у американцев! Давайте будем петь по-английски с утра до вечера".

Я включаю телепередачу "Доброе утро", стоит на Красной площади певица, уже немолодая, трясёт своими добродетелями и поёт по-английски. А я не хочу начинать день с английских песен! Время и место есть для этого. Я люблю Эллу Фицджеральд, Рэя Чарльза, но не всё же время это петь и слушать. Неприятно, когда маленькие дети стоят, кривляются, что-то на английском истошно поют. Я не могу это слушать. И не только я. Огромная страна не хочет это слушать. А это дают по центральному телевидению, насильно в нас впихивают.

Константин СЁМИН. Я изумился, когда пришёл в "Содружество" на спектакль "Концерт по случаю конца света". Не представляю, как такое вообще можно было поставить? Как можно "поднимать руку на святое"? А всё, что касается Америки, всё, что касается либеральных ценностей — это "святое". Этого нельзя касаться, нельзя оспаривать, нельзя ставить под вопрос… И получается, что всё это может погаснуть, таких спектаклей уже не будет? Последний флаг будет спущен, последняя баррикада разобрана…

Жанна БОЛОТОВА. Художественные руководители, художники — люди с необыкновенным, изощрённым чутьём, они чувствуют всё, что происходит в мире, какие есть настроения. Значит, они чувствуют настроение власти, чувствуют запросы потребителей культуры. Ведь сейчас во всех этих театрах билеты дороги, и кто туда ходит? Эти режиссёры как раз для этого потребителя и делают свои спектакли.

Константин СЁМИН. То есть предложение следует за спросом?

Жанна БОЛОТОВА. Конечно. Подумайте сами: первый голый человек на сцене появился в "Мудреце" в театре "Ленком" у Захарова. После "Юноны и Авось" — чистейшего спектакля о любви, после потрясающего спектакля "Поминальная молитва" вдруг видим: голый мужчина стоит спиной к залу…

В зале просто шок: этого не может быть! А это нужно было Островскому? Нет. Это прекрасная пьеса, её смотрели и без голого зада. Потом в другом театре — голый, потом в третьем; потом видим: Астров на четвереньках под столом пьёт самогон. Астров — это Чехов! Чехов — это тоже "наше всё". Он всё сказал для русского человека и в своих произведениях, и в своих письмах. Это катехизис, правило жизни.

Читайте Чехова и не смотрите фантазии людей бездарных, которые не способны создать что-то своё, им нужно экспериментировать на Чехове, на Шекспире.

Это всё с Запада идёт: видела оперу "Евгений Онегин", где Онегин ходит в телогрейке. Но неужели мы всю жизнь будем смотреть на Запад? Нам оставили такой клад наши писатели, художники, а мы не хотим его знать, мы хотим — как там. В Третьяковке повесим ветку, этот поп арт — вот искусство. Все об этом уже говорят: не хотим, не уродуйте классику. Но нас не слышат! "Спасите наши души! Услышьте нас на суше!"

Константин СЁМИН. Вы будете к кому-то обращаться с этими словами, будете бороться?

Жанна БОЛОТОВА. Я не буду. Ребята в театре — как хотят. Понимаете, меня всё это убивает. Я сегодняшнюю ночь не спала и до 4 утра "разговаривала" с Владимиром Владимировичем… Но я не могу в своём возрасте позволить себе каждый день не спать и так переживать. Не хочется говорить, что я знала, что так будет, это уж очень банально. Но я знала.

Константин СЁМИН. Вы думаете, Николай Николаевич то же предполагал?

Жанна БОЛОТОВА. Да!

Константин СЁМИН. Что бы Вы сказали тем, кто ещё хочет купить билеты, прийти к вам в театр?

Жанна БОЛОТОВА. Думаю, до лета, может быть, ещё покажут парочку наших спектаклей.

Константин СЁМИН. А что делать тем, кто завтра может остаться вообще без театра? Не только без вашего. А просто с одним голым человеком на сцене? Что делать тем, которые только вступают в жизнь, что скажете Вы, старый большевик, им? Спускается флаг или нет?

Жанна БОЛОТОВА. Я — книжник. Меня воспитали книги. Думаю, что книги спасут. Правда, говорят, что молодёжь сейчас не читает книги.

Мы говорили буквально за месяц, наверное, до его смерти, с Жоресом Алфёровым. Я хотела пригласить его на наш спектакль, потому что была потрясена тем, что он сказал в газете "Правда". Он поделился своим впечатлением о том, что сейчас происходит. И привёл письма своего брата, который погиб в 1944-м году.

Его жена, Тамара Георгиевна, говорит: "Жанна, он каждое утро начинает с того, что задаётся вопросом: что будет, что будет?" А я помню чудесную передачу, когда журналист, который был у него в гостях, предложил: "Давайте выпьем на прощание". Алфёров поднимает рюмочку и говорит: "За нашу Советскую Родину!" И это не вырезали. Поэтому не только я, но тысячи людей у нас — за нашу Советскую Родину. Хотят сделать вид, что нас нет. Мы есть! И "Мы пред нашей Россией и в трудное время чисты".

Константин СЁМИН. Спасибо большое, Жанна Андреевна.

Жанна БОЛОТОВА. Вам спасибо, Константин.

Газета "ЗАВТРА" зарегистрирована Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС 77-22122 от 24 октября 2005 года.
Учредитель и издатель — ООО "Редакция газеты-еженедельника "Завтра" (119146, г.Москва, Фрунзенская наб., 18, пом. VII).

Адрес редакции: 119146, г. Москва, Фрунзенская наб., 18, пом. VII.
E-mail: zavtra@zavtra.ru Электронная версия: http://zavtra.ru/
Служба распространения: (499) 246-88-52 (т/ф). Служба рекламы: (903) 131-53-97.
Отпечатано в АО "Красная Звезда" (125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38, тел.: (495) 941-32-09, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62, http://www.redstarprint.ru, e-mail: kr_zvezda@mail.ru.

Главный редактор Александр ПРОХАНОВ

Тел. редакции: (916) 502-49-86. Тираж 22 750 Заказ № 2133-2021 Дата выхода в свет — 24.03.2021 г. Подписано в печать 23.03.2021 г. в 15.00, по графику — в 15.00